

РАЗВОРОТ

ем политического климата в регионе, я делал это искренне. С таким же открытым подходом я пришёл в бизнес.

Года два назад мы с друзьями, управляя краснокамским оператором по утилизации твёрдых бытовых отходов (ООО «Буматика»), активно участвовали в создании региональной нормативной базы в сфере обращения с отходами. Понимая, как можно улучшить ситуацию, мы разрабатывали эту документацию вместо чиновников, платили за это свои деньги.

В результате у краевого Министерства строительства и ЖКХ появился добротный пакет нормативных документов, которые впоследствии если окончательно не «умерли» в столах, то на деле вообще ничего не поменяли. Ситуация с отходами как была нерешённой, так и остаётся по сей день. У нас же иссяк запас желания что-то делать в этом направлении, мы вышли из этого бизнеса.

Второй сюжет связан с моим личным хобби — управлением охотничьими хозяйствами, где у меня большой опыт. Я создал на территории края три охотничьих хозяйства, последнее — личное. Знаю все технологии «от и до». Последняя моя попытка была связана с системными изменениями в этой отрасли хозяйства. Это направление всегда считалось планово-убыточным, я решил доказать, что это не так, предложил свои услуги. Человек, который принимает решения (не хочу называть фамилию), мне открытым текстом сказал: «Ты слишком сильный персонаж, чтобы тебя впустить в систему, нам таких не надо». Кстати, Агентство по управлению охотничьими объектами животного мира было вообще ликвидировано.

Нашей условной региональной элите, которая старается делать вид, что управляет процессом, на самом деле вообще ничего не надо. Вот и ответ на вопрос: в Пермском крае просто ничего не получится.

— Почему вы выбрали Калининградскую область?

— Мы с женой много путешествуем по миру. С рюкзаками прошли Венесу-

более привлекательно. Менталитет близкий. Климат просто шикарный: долгая весна, спокойное лето и длинная осень. Эта территория признана самой лучшей по климатическим условиям в России для развития сельского хозяйства, в частности животноводства.

Я очень благодарен жене, которая смело согласилась поменять место жительства и даже сыграла роль «мотора». Может, без неё я не решился бы на такие кардинальные перемены. Понятно, что в нашем возрасте это непросто, много проблем придётся решать с детьми.

Но мы подумали, что дети, когда вырастут, точно не будут сидеть в Перми. Поэтому оправдывать свою собственную нерешительность якобы заботой о них не получится.

Нашей условной региональной элите, которая старается делать вид, что управляет процессом, на самом деле вообще ничего не надо. Вот и ответ на вопрос: в Пермском крае просто ничего не получится

В Калининграде я увидел перспективу. Конечно, там не всё идеально, особенно с точки зрения пермяка. Сервис во многом «совковый», могут нахамить в магазине. Могут в представительстве «Аэрофлота» сказать: «У меня через полчаса обед, не тревожьте меня, не занимайте очередь».

Но перспективы видны. Регион имеет огромное стремление к преобразованию, развитию. Это видно буквально всюду. И по действиям власти, и по поведению людей. Видно и по самой атмосфере.

Я купил квартиру в посёлке Янтарном, где просто фантастический пляж. В мире таких немного. Не так давно местные власти добились присвоения этому пляжу знака «Голубой флаг». Это международная награда, ежегодно вручаемая с 1987 года пляжам, которые пригодны для безопасного и комфорт-

Мы старались что-то делать там, где родились и жили, пока не устали. Мы видим, что никому нет до региона дела.

— Но, исходя из статистики и внешних признаков, ваши слова многие могут подвергнуть сомнению...

— На этот счёт у меня есть своя теория. Почему в Перми много хороших, дорогих машин? Это защитная реакция. В ситуации агрессивности внешней среды человек себя хочет защитить хоть чем-то комфортным. Машина должна скрасить тот факт, что её владелец передвигается по ущербному дорожному покрытию, через вязкую грязь и пыль. Я люблю чистую красивую обувь. И меня выводит из равновесия, когда я, выйдя из дома, не могу добраться до машины, чтобы не испачкать ботинки. Пафосные квартиры в

интерьерно дорогих домах и столь же «навороченные» офисы — из этой же серии. Человек выходит из дома, садится в дорогую машину, доезжает до оформленного хорошим дизайнером офиса, задёргивает шторы, и ему хорошо. В конце рабочего дня, опять же в дорогой машине, возвращается домой в свой прекрасный интерьер. И это действительно защитная реакция, обеспечивающая многим психологический комфорт. Можно сказать, люди таким образом защищают себя.

Потому что когда наш человек попадает в благоприятную атмосферу, например, выезжая за рубеж, он спокойно садится в машину среднего класса, живёт в нормальных домах. Потому что там совершенно другой микроклимат, в котором приятно находиться. Это хорошие факты для размышлений профессионального психолога. По крайней мере, мои знакомые, которые здесь имеют «дворцы», за рубежом мгновенно меняют свои приоритеты на более демократичные и даже не задумываются над этим. Потому что нет необходимости себя ограждать от внешней среды.

— Это любопытная версия. А бизнес в крае делать пока можно или уже нельзя?

— По большому счёту бизнесменам можно работать везде. Было бы желание. А вот с этим проблемы. Есть очень большая разница между «жить» и «выживать». В Пермском крае мы все выживаем. Это касается всего, в том числе бизнеса. Ни у кого удовольствия или хотя бы просто спокойного развития нет, все выживают. Мне первому из моей среды это надоело. Я хочу жить. Выживать можно определённое количество времени. Потом наступает предел. Это касается и бизнеса.

Когда мы с друзьями заходили в «Буматику», там были обороты 10–12 млн руб. в год. Мы довели этот показатель до 300 млн руб., понимая, что пока надо затянуть пояса, вкладывая все деньги в развитие проекта. Надеялись, что совместно с министерством разработаем правила игры, и отрасль в целом разовьётся. Разовьёмся и мы, будем получать какие-то дивиденды от

своих вложений. Увеличив обороты, стали платить больше налогов, развили инфраструктуру, обеспечили дополнительную занятость. Смотрели на себя в зеркало — молодцы! Но оказалось, что перспектив на самом деле нет. Зачем мы всё это делали? Могли бы просто, ничего не вкладывая, зарабатывать себе в карман, и всё было бы замечательно. В зеркало нам смотреть, конечно, было бы безрадостно, но это зеркало стоило бы дороже.

— Вы понимаете, где сможете применить силы на новом месте?

— Я не яркий представитель бизнес-среды, о собственном развитии и комфорте больше задумываюсь, чем о зарабатывании денег, формировании капитала. Там, где хорошо для души, будет лучше и для дела. В развитии туристического, охотничьего и рыболовного направлений я бы мог найти своё применение. Тем более что есть опыт управления охотничьим хозяйством, которое я в Прикамье организовал буквально с нуля. Хотя этот проект был реализован не благодаря, а вопреки обстоятельствам.

Для этого в Калининградской области просто Эльдorado. Там это направление стараются развивать. Это даже не столько политика власти, сколько желание самих людей.

Пермяки богатые, зарабатывают больше, чем там, куда мы отправляемся. Но у них пусто в глазах, нет искры. А там есть. Неслучайно за время, прошедшее с прошлой переписи населения до нынешней, население Калининграда увеличилось на треть, до 450 тыс. человек. А у нас — исход, «движуха» в обратном направлении.

В Калининграде нет гастарбайтеров. Туда едут равнодушные люди, которые не просто ищут хорошей жизни, а готовы сами её создавать. Я понимаю, что это не принесёт таких денег, какие я мог бы заработать здесь, без интереса, в рамках выживания. Там меньше денег, но точно больше удовольствия.

— Вы не задумывались, почему так происходит?

— Сфера моих знакомств в сфере политики широка, и я вижу, что развитие региона на деле никому не интересно. Я не пассионарий, не сторонник революционных преобразований, не кричу громко, что всё плохо. Я просто не вижу возможности приложения своих сил на территории края.

Кстати, Калининград — не единственное место в России, которое развивается. Сегодня пермяки с болью смотрят на Екатеринбург. Ещё 10 лет назад мы приезжали к соседям и критиковали их за то, что у них «всё тоскливо». И на наших глазах ситуация развернулась, мы видим, как наш сосед растёт стремительными темпами, а нам остаётся только тихо завидовать.

Недавно я засёк, сколько времени требуется, чтобы после прилёта в Пермь у меня начиналась «пермская депрессия», когда всё без исключения начинает раздражать. Так вот: три часа с момента выхода в город. Друзья говорят: «Так ты не уезжай, чтобы не было этой ломки». Но болезнь-то есть. От того, что я буду сидеть в Перми, она никуда не денется. Все здесь больны. «Просто я вижу симптомы, а вы их внутрь загоняете», — объясняю я окружающим.

Сейчас ко мне постоянно приезжают друзья и знакомые, которые не только с интересом присматриваются к этому региону, но и уже начинают вкладывать деньги.